

КЛИФА

5⁽⁷⁹⁾

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

АПРЕЛЬ
2008

в газете использованы
материалы сайта sf1.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

«ПО ПЛОДАМ ИХ ПОЗНАЕТЕ ИХ»

Открытое письмо приходского совета, приходского собрания и прихожан псковского храма Святых Жен Мироносиц

Святейшему Алексию,
Патриарху Московскому и всея Руси
Высокопреосвященнейшему Клименту,
митрополиту Калужскому и Боровскому,
Управляющему делами Московской Патриархии
Высокопреосвященнейшему Евсевию,
митрополиту Псковскому и Великолукскому

В храм святых Жен Мироносиц мы пришли разными путями. Глубина и сила христианской проповеди его настоятеля отца Павла и содержательность общинной жизни Мироносицкого прихода собрали нас здесь, пробудили души, исполнили сердца благодарности, любви к Богу и святому Православию. Тесная кладбищенская церковь явила нам полноту Церкви Христовой. Мы жили в атмосфере любви и доверия друг к другу, творческой инициативы, единства предстоящих и молящихся, оказались востребованными в общинной и богослужбной жизни прихода.

Были и скорби. Но, по словам Господа, духовная жизнь без скорбей невозможна: «В мире скорбны будете, но мужайтесь, яко Аз победих мир». Старались и мы в скорбях сохранять благодать. Необоснованность обвинений в адрес нашего настоятеля отца Павла со стороны второго священника храма о. Владимира Будилина была настолько очевидной, что не воспринималась серьезно. Было только

св. Жен Мироносиц со Скудельниц в Пскове

очень грустно за человека, да еще священника, который омрачил свою душу настолько, что опустился до писем, содержащих злобные насмешки, зависть, уркановский жаргон. Оказалось, что жажда самовыражения, сознание собственной значимости затмили и церковные каноны, и святоотеческий опыт, и даже страх Божий.

Продолжение на с. 6

В номере:

Необходимо
искать новые
парадигмы
образования

Сегодня церковь и светское общество испытывают острый дефицит образованности.
С. 5

Он старался
поддерживать
всё живое в церкви

Интервью со свящ. Георгием Кочетковым 7 апреля 2008 года, в день кончины отца Виталия Борового.
С. 7

Свидетель подлинной
Христовой веры

7 апреля отошел ко Господу прот. Павел Алексахин.
С. 7

Неужели его когда-нибудь назовут учителем церкви

Исполнилось 60 лет со дня кончины великого русского христианского мыслителя Н.А. Бердяева.
С. 8

Вышли из печати...

Анонсы новых изданий.
С. 8

Имеем ли мы основание говорить об особых дарах нашего времени?

В августе в Москве пройдет конференция «Духовное противостояние пустоте в церкви и обществе».
С. 8

В приложении «Миссионерское обозрение» мы возвращаемся к теме взаимоотношений церкви и музеев.

ПО ПРИНЦИПУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

Мы продолжаем публикацию материалов по теме конференции «Образование в XXI веке: стратегии и приоритеты»: проф.-свящ. Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института, рассказывает о концепции, положенной в основу СФИ

А. Буров: Ваше преподавание, о. ректор, руководимый Вами институт создавался в конкретное историческое время под конкретные цели, и, наверное, в каком-то смысле под конкретных людей. Назначение института трансформировалось со временем?

Проф.-свящ. Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института: Конечно. Институт создавался в подполье, по принципу дополнителности, как возможная подмога в случае закрытия всех учебных заведений православной церкви, а может быть, даже приходов и монастырей. Нам казалось очень

важным, чтобы церковь была готова к разным историческим вариантам развития. Ведь в 80-е гг., когда институт начал существовать, никто не думал, что советская власть быстро кончится. Да, многие понимали, что она сгнила, но она была гнилой с самого начала и держалась десятилетиями. Поэтому можно было предположить, что эта гниль еще довольно долго будет существовать и еще способна принести потери церкви. И поэтому первое, что было необходимо, — обеспечить сохранение церковной духовной традиции, церковной культуры и церковной образованности для самой церкви. Поэтому вопрос о том, учим мы будущих священников или мирян, никогда не ставился специально. Это с самого начала было неважно. Образование нужно было для тех, кто был готов стать носителем церковной традиции в чрезвычайных, переходных, трудных, даже крайних условиях жизни церкви. Поэтому все готовилось в расчете на современность. Это должно было быть учебное заведение, которое бы впитало в себя самое лучшее, что есть в церковной традиции образования до 1917 года и после, в том числе и образования священнослужителей, а также в системе светского образования. Конечно, предполагалось, что люди, которые будут здесь учиться, будут, прежде всего, преданы церкви, что они смогут что-то

делать ради Бога и ради церкви «в свободное от работы время». То есть это с самого начала было учебное заведение, которое приспосабливалось к тому, что студенты будут получать действительно серьезное высшее образование не днем и не за стипендию или какие-то иные блага, такие как освобождение от армии и т.д., а преподаватели будут в нем трудиться, не получая за это зарплату, но вкладывая в это дело то, что они зарабатывают днем на работе.

А. Буров: Т.е. институт с самого начала предполагал очень серьезный церковный контекст?

О. Георгий: Безусловно. Причем рассчитанный на то, что корабль должен быть непопляемым, независимо от того, «откуда польет»: сверху или снизу, справа или слева.

А. Буров: «Корабль»... Вы имеете в виду церковь или институт?

О. Георгий: Образ церкви как корабля очень хорош, но он может быть процирован и на те или иные части церкви, в том числе такие, как институт. Было ясно, что катехизация, которая к тому времени велась уже много лет, недостаточно. Было ясно, что недостаточно просто существования групп или библейских кружков, или каких-то паломнических поездок (все это могло уже как-то существовать в советских условиях того времени). Было ясно, что нужны специальные усилия по преподаванию церковных предметов, церковной культуры, церковной традиции и по восприятию этой традиции.

Конечно, сейчас ситуация другая. Ясно, что сейчас не 80-е годы, и не советская власть на дворе. Институт существует уже много лет как официальное учреждение, слава Богу, свободное, независимое, воспринявшее в себя многие особенности, которые появились еще в нелегальном состоянии в первый период жизни института. Мы и сейчас считаем нашим преимуществом то, что мы свободны, так же как и все то, что мы взяли из разных систем образования и из своего личного духовного опыта, из своих духовных потребностей и ввели в программы и в порядок взаимоотношений. Ведь мы знали, от чего страдает светская система образования и от чего страдает церковная система образования. И мы, конечно, пытались сделать так, чтобы не воспроизводить эти негативы, но чтобы взять, действительно, все лучшее, и более того, еще добавить, потому что мы знали, чего не хватает.

Продолжение на с. 4-5

Фото Анатолия Мозгова

Скончалась основательница движения «Фоколяры» Кьяра Любич

Кьяра Любич, основательница католического движения «Фоколяры», скончалась на 89-м году жизни, сообщила пресс-служба фонда «Помощь Церкви в беде».

Сильвия Любич родилась 22 января 1920 года в Тренто (северная Италия) в семье печатника. В годы фашизма ее отец потерял работу из-за своих социалистических убеждений, и семья крайне бедствовала. Чтобы оплатить учебу в университете, Кьяра сама давала частные уроки.

Во время второй мировой войны, когда Тренто подвергался массированным бомбардировкам союзной авиации, Кьяра открыла для себя Божью любовь, которую, как она почувствовала, не могут уничтожить никакие взрывы. 7 декабря 1943 г., молясь в маленькой часовне, Сильвия дала обет посвятить Богу всю свою жизнь и изменила имя на Кьяру — в честь святой Клары Ассизской. Эта дата считается днем рождения движения «Фоколяры».

В 1948 г. Любич познакомилась с итальянским парламентарием, писателем и журналистом Иджино Джордани, которого считают одним из пионеров экуменического движения. Вместе с Кьярой он принял самое активное участие в создании «Фоколяров». В 1949 г. Кьяра познакомилась с молодым итальянцем Паскуале Форези, который пятью годами позже стал первым фоколяром, рукоположенным в сан католического священника. Трудами о. Форези, в частности, было открыто издательство «Фоколяров» «La Citta Nuova» (Новый град).

В 50-е годы фоколяры стали проводить крупномасштабные летние собрания в Доломитовых Альпах, а с 1965 г. основали ряд «маленьких городов», в которых жили члены общины и их друзья. В 1967 г. — на фоне общего кризиса института семьи — Кьяра Любич основала движение «Новые семьи».

В 1977 г. Любич стала лауреатом Темплетоновской премии за прогресс в области религии и мира. В 1997-98 гг. она стала первой христианкой, выступившей с рассказом о своей вере перед буддийскими монахами Таиланда, чернокожими мусульманами США, иудеями Аргентины.

В 1997 г. Кьяра Любич также выступала в ООН с докладом о единстве человечества, а в 1998 г. получила премию Совета Европы за достижения в области прав человека.

Фоколяры живут небольшими общинами. Их цель — стремиться к миру и единству, заповеданным в Евангелии, преодолевая вековые предрассудки. Сегодня общины действуют более чем в 180 странах мира. Кроме католиков, в них входят православные, протестанты, англичане, представители нехристианских религий, а также те, кто не исповедует никакой религии.

Благовест-инфо

Священный Синод епископов Православной Церкви в Америке отменил решение об отстранении епископа Аляскинского Николая

27 марта в канцелярии Православной Церкви в Америке в Ойстер-Бэй-Коув, штат Нью-Йорк, состоялось заседание Священного Синода епископов ПЦА.

«Священному Синоду епископов известна обеспокоенность клира и верующих Аляскинской епархии, — говорится в документе, опубликованном на официальном сайте ПЦА по итогам заседания. — (Синод) отдает должное готовности, выраженной епархиальным архиереем, рассмотреть (причины) этой обеспокоенности и предпринять все необходимые действия для восстановления мира».

Священный Синод поручил архиепископу Детройтскому Нафанану и епископу Филадельфийскому и Восточно-Пенсильванскому Тихону посетить на следующей неделе Аляскинскую епархию для изучения сложившейся ситуации и сообщить о результатах на следующем очередном заседании Синода в мае 2008 года.

«Принимая заверения Его Преосвященства епископа Николая в готовности к полному сотрудничеству» с направляемой на Аляску комиссией, Священный Синод отменил ранее принятое решение о временном отстранении владыки Николая от управления епархией.

Епископ Аляскинский Николай был отправлен в отпуск на неопределенное время решением Священного Синода епископов Православной Церкви в Америке 4 марта 2008 года. Священный Синод постановил, что расследованием многочисленных жалоб, поступивших в последнее время из Аляскинской епархии, займется специально назначенная комиссия. На время расследования епископу Николаю предписывалось покинуть территорию епархии.

Московский и Константинопольский Патриархаты выразили надежду на достижение соглашения по вопросу о положении Православной Церкви в Эстонии

Московский и Константинопольский Патриархаты выразили надежду на достижение консенсуса в решении проблем, связанных с положением Православной Церкви в Эстонии.

«Обе стороны признали целесообразным в рамках переговорного процесса достигнуть всеобъемлющего соглашения», — говорится в меморандуме встречи делегаций обеих Церквей в Цюрихе, опубликованном на официальном сайте Московского Патриархата. Соглашение, в частности, должно будет включать решение по вопросу «церковного недвижимого имущества в Эстонии во исполнение цюрихских договоренностей 1996 года».

Заключенное Московским и Константинопольским Патриархатами 22 апреля 1996 года в Цюрихе соглашение предусматривало установление равно-

правия всех православных в Эстонии, в том числе в области имущественных прав. Также верующим предоставлялась свобода выбора церковной юрисдикции.

Кроме того, будущее соглашение, как отмечается в тексте меморандума, должно будет содержать решение «по вопросу канонического статуса церковных юрисдикций Константинопольского и Московского Патриархатов» в Эстонии.

Именно вопрос статуса так называемой Эстонской автономной церкви, учрежденной Константинопольским Патриархатом в Эстонии в 1996 году вопреки мнению Русской Православной Церкви, стал основанием для ухода делегации Московского Патриархата с очередной сессии Смешанной православно-католической богословской комиссии в октябре прошлого года в Равенне.

Перспективы прерванного в Равенне богословского диалога обсуждались и на недавней встрече представителей Московского и Константинопольского Патриархатов в Цюрихе.

«Констатируя различия во мнениях по этому вопросу, обе стороны признали необходимым продолжить его обсуждение», — отмечается в меморандуме.

Московский Патриархат на переговорах в Цюрихе представляли митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, глава Отдела внешних церковных связей митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, секретарь по межправославным отношениям ОВЦС протоиерей Николай Балашов.

Константинопольский Патриархат представляли сопредседатель Смешанной богословской комиссии митрополит Пергамский Иоанн, митрополит Гальский Эммануил, заместитель главного секретаря Священного Синода архимандрит Варфоломей (Самарас).

Интерфакс

В Вашингтоне состоялась презентация книги о Русской православной миссии в Северной Америке

28 марта в Вашингтоне, в здании посольства России в США, состоялась презентация книги «От древнего Валаама до Нового Света: Русская православная миссия в Северной Америке». Автор книги — недавно скончавшийся почетный настоятель Свято-Николаевского собора в Вашингтоне протоиерей Димитрий Григорьев.

Как сообщает корреспондент портала Патриархия.ru в США Юрий Грипас, на мероприятии, которое стало также вечером памяти о. Димитрия, присутствовали посол России в США Ю.В. Ушаков, специально прибывший на этот вечер из России давний друг о. Димитрия архиепископ Красноярский и Енисейский Антоний, председатель ОВЦС Православной Церкви в Америке протоиерей Леонид Кишковский, настоятель Свято-Николаевского собора в Вашингтоне протоиерей Константин Уайт, проректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Л.А. Шамаро, редактор книги И.И. Евсикова, представители духовенства Русской Зарубежной Церкви и Русской Православной Церкви в Отечестве, Православной Церкви в Америке, которые смогли все вместе помолиться и помянуть о. Димитрия.

Книга явилась результатом многолетнего пастырского, миссионерского и философско-религиозного осмысления роли Православия в жизни Америки. По словам автора, это апостольское дело было и остается сопряженным с большими трудностями, обусловленными культурными, психологическими, социальными и политическими причинами. В настоящее время в Северной Америке проживает около двух миллионов православных, представляющих разные на-

роды. Но именно русская миссия, старейшая на американском континенте, символически объединяла здесь всех православных.

Автор постарался рассказать обо всех выдающихся религиозных деятелях становления Православия в Северной Америке. В книге собрано много новых интересных исторических фактов о жизни алеутов на Аляске, возвращении униатов в Православие, о роли святителя Тихона, будущего Патриарха Московского, в развитии Православия на континенте, а также о дарованиях автокефалии Православной Церкви в Америке Московским Патриархатом. Особое тепло автор рассказывает о митрополите Василии (Родзянко).

По словам настоятеля собора святого Иоанна Предтечи в Вашингтоне протоиерея Виктора Потапова, книга проникнута особым внутренним теплом, каким обладал в жизни приснопамятный отец Димитрий. Это не сухой академический труд, а с любовью написанное повествование об организации, становлении и развитии православной миссии и Церкви в Северной Америке.

Король Саудовской Аравии предложил провести совместную конференцию представителей трех монотеистических религий

Саудовский король Абдалла ибн Абдель Азиз ас-Сауд планирует провести межрелигиозную конференцию, в которой должны принять участие мусульмане, христиане и иудеи. Об этом пишет 25 марта выходящая в Лондоне на арабском языке газета «Аш-Шарк аль-Аусат».

Призыв к диалогу между различными религиями — первый со стороны монарха страны, на территорию которой запрещен ввоз любых предметов, связанных с немусульманскими верованиями и культами, включая кресты и звезды Давида.

По заявлению короля Абдаллы, представители трех крупнейших монотеистических религий должны действовать сообща, чтобы «защитить человечество». Это заявление саудовский монарх сделал в Эр-Рияде 24 марта.

Как отметил в своей речи король, он обсудил идею саммита, направленного на диалог между религиями, несколько месяцев назад в беседе с Папой Бенедиктом XVI.

Монарх указал на сходство заповедей в монотеистических религиях и заявил, что обеспокоен распадом семьи как ячейки общества, а также пренебрежением принципом «человечности». По его словам, подобное наблюдается во всем мире.

«Я планирую провести встречу на высшем уровне, но не один — я хочу услышать мнение моих братьев-мусульман со всего мира. Мы начнем встречаться с нашими братьями, исповедующими другие веры — как я уже говорил, речь идет о Торе и Новом Завете», — добавил монарх.

Король Абдалла заявил, что высшее духовенство королевства выразило согласие на проведение межрелигиозной конференции.

Предложение короля провести в Эр-Рияде межрелигиозную конференцию прокомментировал главный ашеназский раввин Израиль Йона Мешгер.

«Наша рука всегда протянута к миру. Мы приветствуем любой диалог, способный положить конец террору и насилию», — отметил Мешгер.

Раввин также отметил, что сам он уже «несколько раз заявлял о том, что межрелигиозный диалог является ключом к достижению реального мира».

Источник: MIGnews.com

В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОМ ИНСТИТУТЕ СОСТОЯЛСЯ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРОБЛЕМАМ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

29 марта в Свято-Филаретовском православно-христианском институте состоялся межфакультетский семинар, посвященный проблемам образования в XXI веке.

Он предварил более подробное рассмотрение этих проблем на конференции «Образование в XXI веке: стратегии и приоритеты», которая будет проводиться СФИ 26 – 28 мая с.г. Представители кафедр богословских дисциплин и литургии (зав. каф. канд. филол. н., доцент Д.М. Гззян) и философии и гуманитарных дисциплин (зав. каф. канд. филол. н. Г.Б. Гутнер) вместе с другими преподавателями СФИ и студентами магистратуры обсуждали вопросы соответствия образовательных стратегий в системе духовного образования типам экклезиологии.

Участники семинара рассматривали требования к процессу образования и к его результатам в контексте поместно-приходской и общино-братской экклезиологии. Для первой было отмечено стремление к четкой заданности целей и результатов образовательного процесса, порождающего скорее высокоспециализированного ремесленника; внутри этого процесса творчество предполагается исключение из правил. Для второй – направленность на постоянный поиск Истины, хотя и обретенной однажды в акте веры, создание возможностей свободного, адекватного своим церковным основам существования даже в чуждой среде без раздвоения сознания, избавление от стереотипов. Подчеркивалось, что основой такого образования может быть лишь длительная катехизация, предполагающая не только рациональные знания, но в первую очередь –

реальное воцерковление на основе живого общения верующих.

Большой интерес собравшихся вызвали как размышления о связи первого типа образования с сознательной установкой на сокрытие святыни, т.е. со стремлением о святыне не рассказывать, ее не показывать, закрывать окладами, говорить на непонятном (и в силу своей непонятности сакральном) языке, так и мнение о необходимости взять из античной и средневековой образовательных систем не отдельные части, а смысловое «ядро». Общее оживление вызвало предложение возродить преподавание «семи свободных искусств», чтобы избежать дробности в познании.

Одним из итогов семинара стало предложение, что духовное образование должно быть своего рода надстройкой над светским, его восполнением и «освоением».

Анализируя образование, предоставляемое в СФИ, участники семинара подчеркнули его установку на целостность приобретаемого знания, что выражается, в частности, в итоговом собеседовании на бакалавриате. От экзаменующего в данном случае требуется не только определенная «сума теологии», сколько умение вести живой, заинтересованный, но и компетентный разговор на заданную богословскую тему.

Вместе с тем, все присутствующие констатировали нежелательность консервирования даже удачных находок в ведении образовательного процесса и подтвердили, что получение знаний в области богословия не может быть отделено от целостного церковного служения Богу, Церкви и всем людям.

СОГЛАСНО ДАННЫМ ОПРОСА, ПОЧТИ ДВЕ ТРЕТИ РОССИЯН – ЗА ПРЕПОДАВАНИЕ РЕЛИГИИ В ШКОЛЕ

Почти две трети россиян (60%) считают, что по желанию учеников или их родителей в школе можно изучать историю религии, основы религиозной нравственности.

Таковы данные проведенного в январе-феврале этого года Аналитическим центром Юрия Левады исследования по проблеме религии.

При этом десятая часть опрошенных (12%) предлагает восстановить преподавание Закона Божия в средних школах для всех желающих. Каждый пятый считает, что в школе не должно быть места религии.

Только 4% россиян в ходе опроса определенно заявили, что религиозные организации страны ока-

зывают слишком большое влияние на государственную политику. «Ровно столько, сколько должно быть» – таково мнение относительного большинства респондентов (45%), а 7% считают, что такого влияния слишком мало.

Среди задач, которые, по мнению опрошенных, должны выполнять религиозные организации, почти каждый второй (46%) указал на поддержание общественной морали и нравственности в обществе, 37% полагают, что они обязаны удовлетворять духовные потребности верующих, 27% – способствовать общественному, национальному, политическому согласию, а 15% уверены, что они вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь.

ЛИДЕРЫ ПРОТЕСТАНТСКИХ СОЮЗОВ РОССИИ ОТРЕАГИРОВАЛИ НА ЗАЯВЛЕНИЕ О. ВСЕВОЛОДА ЧАПЛИНА О НЕВОЗМОЖНОСТИ МОЛИТВЫ С ИНОСЛАВНЫМИ

Совместная молитва христиан разных конфессий не только возможна, но и необходима, считают лидеры крупнейших протестантских союзов России. Выступая на пресс-конференции, прошедшей 17 марта в «Президент-отеле», они по просьбе журналистов прокомментировали интервью замглавы Отдела внешних церковных связей Московского патриархата протоиерея Всеволода Чаплина, в котором он предложил православным отказаться от совместных молитв с христианами других конфессий. Излагая «сугубо личное мнение», о. Всеволод сказал: «Посещение православными людьми католических или протестантских храмов, присутствие при инославном богослужении без явной или сокровенной молитвы, православная молитва перед общехристианскими святынями – все это вещи допустимые. А вот от публичных или частных молитв православных с инославными стоит отказаться».

Подчеркнув свое уважение к каноническим правилам Русской Православной Церкви (РПЦ), выступавшие на пресс-конференции говорили о том, что совместные молитвы всех христиан есть выполнение завета Христа «Да будут все едино». Глава Российской Церкви христиан веры евангельской Павел Окара считает, что «совместная молитва просто необходима, но далеко не всегда люди к ней готовы». По его словам, препятствиями являются не только личные убеждения, но и конфессиональная традиция, а также «отголоски прошлого». Что касается конкретно о. Всеволода, то П. Окара вспомнил недавнюю совместную посылку: «Мы с о. Всеволодом совсем недавно были в Африке, в Найроби, на большом международном конгрессе, где мы вместе молились». «Думаю, он высказал не свою личную позицию», – предположил выступавший.

Архиепископ Евангельско-Лютеранской Церкви Эдмунд Ратц также сомневается, что о. Всеволод высказал свою личную точку зрения: «Зная лично о. Всеволода Чаплина, я уверен, что он высказал официальную версию того, что надо соблюдать конфессиональные правила». «Господь учит нас искать не то, что нас разделяет, а то, что объединяет», – напомнил архиепископ.

Президент Союза христиан адвентистов сельского дния (СХАСД) европейской части России пастор Василий Столяр не видит никаких препятствий для совместной молитвы со стороны евангельских христиан. «В нашей доктрине есть рекомендация молиться со всеми, кто верует в Бога Отца, Сына и Духа Святого, кто признает молитву «Отче наш», – отметил он. Если «это не проблема» с точки зрения доктрины, то с точки зрения «практики» – это просто «благословение: общая молитва может объединить нас».

Председатель Российского союза евангельских христиан-баптистов (РСЕХБ) Юрий Сипко также утверждает, что для евангельских христиан совместная молитва с христианами других конфессий является исполнением завета Христа о единстве верующих. «С уважением относюсь к каноническим запретам РПЦ молиться с инославными, мы считаем, что каждый человек лично общается в молитве с Богом, мы исповедуем принцип всеобщего священства, что исключает какие бы то ни было ограничения в молитве».

Председатель Российского объединенного союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ), член Общественной палаты Сергей Ряховский считает, что канонические правила разных конфессий соблюдаются, как правило, в относительно «благоприятные времена». Однако бывают периоды, когда без совместной молитвы не обойтись. «Мой отец, который был трижды репрессирован, был узником за Христа, молился в ГУЛАГе с православными архиереями и батюшками без памяти о правилах, потому что была общая боль, общее преследование за веру», – рассказал он.

Подчеркнув «колоссальное уважение к нашей стороне к каноническим правилам РПЦ», С. Ряховский сказал: «Верю, что Бог иногда будет создавать такие ситуации, когда, минуя запреты, мы будем молиться вместе. Не выдавая всех секретов, скажу, что со многими архиереями Русской Церкви мы это делаем даже сейчас».

«Благовест-инфо»

25-летие служения в сане священника Георгия Кочеткова

– Ваше предположение, каким образом и как долго Вы готовились к хиротонии?

Свящ. Георгий Кочетков: Была и какая-то малая подготовка, чисто техническая, а была и внутренняя подготовка – может быть, она началась с того момента, когда я захотел стать и монахом, и священником и понял, что это мое призвание. Это было в 1968 году, мне тогда было 18 лет, и я еще ни разу не причащался. Я стал тогда готовиться к поступлению в семинарию и через 12 лет поступил – правда, не в семинарию, а сразу в академию. А еще через 3 года был рукоположен. Так что получилось ровно 15 лет – думаю, этого должно быть достаточно для первой стадии подготовки. Я ведь шел учиться в академию для того, чтобы стать священником. Мой духовник, один из моих учителей – о. Всеволод Шпиллер – не очень верил в то, что в духовной семинарии, в академии в то время можно было получить приличное образование, научиться чему-то хорошему, он очень боялся плохих влияний – богословских и всяких иных. Поэтому он мне говорил о поступлении в академию только одно: «Идите за саном». Но я все-таки умудрился его и получить неплохое образование. Правда, за это и поплатился. За несколько месяцев до окончания академии КГБ меня из нее изгнал, как известно.

– А были ли те, кто отговаривал Вас рукополагаться?

О. Георгий: Прежде всего, очень не хотели моего рукоположения в КГБ. У митрополита Ленинградского Антония, а рикошетом и у нашего ректора – архиепископа Кирилла (Гундяева) – после моей дяконской хиротонии были большие неприятности. Уполномоченный устроил скандал, и единственно, что меня спасло, как всегда, – Божья помощь. У меня как раз к этому времени начался диабет. Это дело иерархии возможность как-то оправдаться: «Большой человек, на что он годен, какой от него вред. Диабет – значит, через несколько лет умрет... Ну пусть походит дыконом...»

Но были и среди моих учителей те, кто не советовал мне спешить с рукоположением. Мудрый о. Виталий Боровой, когда я в начале 70-х годов к нему обратился с этим, сказал: «Сейчас Вы нужнее Церкви в пиджачке. Вы имеете доступ туда, куда священник в наших условиях доступа не имеет». О. Всеволод Шпиллер много лет оттягивал этот момент: «Если Вы сейчас пойдете рукополагаться, ну, выйдет из Вас хороший попик – говорил он в середине 70-х. – Попики нашей Церкви очень нужны, но нам еще нужно хороших священников. Поэтому готовьтесь и тогда уже идите». Т.е. они не отговаривали от горячих поступков, от того, чтобы идти в семинарию, в академию, рукополагаться, но говорили о серьезной подготовке. О. Иоанн (Крестянкин) – еще один мой учитель – говорил: «Готовьтесь сами. Откажем митрополиту Никодиму (Ротову) (который тогда приглашал меня в семинарию), откажем митрополиту Иоанну (Вендланду) (который хотел рукоположить меня в Ярославле в те годы). Будем готовиться сами». И он меня своими силами, резервами, книжками тайно готовил к рукоположению. Единственный, пожалуй, из моих учителей, кто меня не отговаривал, это архимандрит Таврион (Батозский). Он наоборот считал, что надо рукополагаться.

– Что для Вас важно в воспоминаниях этих 25 лет?

О. Георгий: В советское время, а часто и сейчас, пребывание в служении и не можешь уклониться от него, не можешь сказать: «Мне некогда, у меня много других дел: дети, работа, здоровье, то, се...» Поэтому в жизни меньше раздвоенности. Да, человек в сане тоже может быть кем угодно – и прелатом, и раздвоенным человеком, но у него больше возможностей преодолеть это.

– Что важно для тех, кто сейчас готовится к рукоположению?

О. Георгий: Пока человек не преодолел себялюбия, эгоцентризма, пока он не умеет быть слугой, быть младшим, быть младшим, быть рабом другим, до тех пор он ничего не добьется. В этом смысле человеку в сане (не самому по себе, а благодаря его особому положению) легче научиться, если он этого хочет, иметь настоящее смирение и дерзновение. Пресвитер должен проповедовать даже тогда, когда ему кажется, что совсем нечего сказать, что совершенно невозможно о чем-то говорить. Что бы ни было, ты знаешь, что должен сказать слово, иначе ты оставляешь людей как бы голодными. Служба не служба, если нет проповеди. И ты вынужден это делать даже тогда, когда у тебя никаких человеческих резервов уже не осталось. То же самое и дяконом. Ты, пребывая в алтаре, как бы соединяешь две разрозненные части церкви – алтарную и неалтарную – и можешь тем самым много доброго сделать для Церкви и для людей.

– Благодарим Вас. Еще раз сердечно поздравляем.

ПО ПРИНЦИПУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

Интервью с проф.-свящ. Георгием Кочетковым о концепции, положенной в основу Свято-Филаретовского института

Продолжение. Начало на стр. 1

Но сейчас институт, как и любое официальное учебное заведение, должен, естественно, как-то соотноситься с имеющимся официальным контекстом, думать о помещении, о лицензиях, о финансах, о зарплатах и т.д., и т.д. И все-таки он остается во многом именно братским, прежде всего потому, что он поддерживается братствами и сохраняет общинно-братский дух.

А. Буров: На кого в первую очередь ориентируется институт в своей образовательной, исследовательской и издательской деятельности: на общецерковный контекст или все-таки прежде всего на движение, на дружество братств, а потом на церковь?

О. Георгий: Он ориентируется на церковь, которая выявляется многообразно в своей современной жизни, но сейчас лучшим образом выражается в жизни братской и общинной. Мы не можем разорвать церковный и братский контекст. Мы не можем сказать, что мы ориентируемся на братский контекст больше, чем на церковный, или на церковный больше, чем на братский. И то, и другое было бы неточно.

Мы меньше уделяем внимания тому, что уже существовало, что доступно людям, или что может сейчас существовать в других местах. Мы до сих пор, волюно или неволюно, в каком-то смысле работаем по принципу дополнителности. Мы делаем акцент на том, чего нет у других. Поэтому неслучайно представлятели, скажем, Saint-Serge! сейчас признают, что наш институт является преемником того пласта православного образования, который связан с русской эмигрантской зарубежной традицией и русским религиозно-философским возрождением.

А. Буров: Вот вопрос, который сразу возникает у человека, посещающего сайт СФИ: он читает название «Свято-Филаретовский православно-христианский институт» и хочет спросить: как связано это учебное заведение с Русской православной церковью, с Московским патриархатом?

О. Георгий: Почти все учащие и учащиеся института — члены Русской православной церкви. Да, мы как учреждение не подчиняемся каким-либо структурам, но не по принципиальным соображениям («ни в коем случае никогда!»), а по соображениям содержательным, ибо пока это все еще может быть связано с потерей уникального опыта, питающего наш институт. Ведь церковь в результате советских лет живет в ситуации разрыва традиции. Приходы, епархии, монастыри — все так или иначе было повреждено в советское время. Я не склонен из этого делать крайние выводы, что якобы церковь перестала быть церковью и т.д., но то, что это было повреждено — бесспорно. А наш институт изначально зиждется на здоровой почве.

А. Буров: Потому что он родился «снизу»?

О. Георгий: Не просто «снизу», а на здоровой почве. Снизу всякое бывает. Как «не все что сверху — от Бога», так и не все что «снизу» — от Бога.

А. Буров: Что Вы имеете в виду, когда говорите «здоровая почва»?

О. Георгий: Это была среда людей, которые жили по принципу стремления к воплощению полноты церковной традиции в своей жизни. И это понятие полноты, а значит, и всякий раз восполнения, когда мы полноты не находили, как раз и породило возможность оздоровления почвы.

А. Буров: Вы говорили о полноте в связи с Институтом и раньше — о том, что институт привлекает к полноте традиции, дает о ней ясные представления.

О. Георгий: Да, это действительно очень важно. Цель образования — восполнить то, чего не имеют люди, к нему приходящие и с ним связанные.

А. Буров: Но почему это так важно?

О. Георгий: Самое главное, чего сейчас нет в церкви — это как раз полноты традиции. Все надорвано, расколото. Везде какие-то кусочки, лоскутки. Смысл и глубина переменяются с полной бессмысленной и поверхностностью, великие явления Святого Духа — с чуждыми духами, с мертвыми духами, вообще духами не от Бога, вера — с суеверием, и т.д., и т.д.

Сергей Смирнов: Вы уже не один раз говорили о восполнении, но, как мне кажется, при таком подходе есть две опасности. Первая — попасть в ситуацию реактивности, то есть делать не то, что ты хочешь, а то, на что обстоятельства вынуждают: «У кого-то чего-то не хватает, поэтому мы должны это делать». Получается, что, может быть, мы делаем не самое важное, а просто выбираем по принципу дефицита. И структура усилила, таким образом, определяется не сама по себе, не исходя из оценки общества, а исходя из того, что должно быть. Это некое «затыкание дыр». Может быть, некоторые дыры можно было бы оставить и заняться чем-то другим, каким-то строительством? Вторая опасность: Вы только что говорили, что вокруг одни лоскутки и кусочки и, соответственно, этих дыр столько, что если начать все их затыкать, и все лоскутки сшивать, и каждому кусочку находить его место, то я не скажу даже, что можно надорваться —

нельзя обвязать необвязанное — но можно в результате фактически ничего не сделать. То есть здесь затыкнуть, там затыкнуть, а количество «лоскутков» от этого вроде бы и не уменьшится.

О. Георгий: Дело в том, что мы не «затыкаем дырки» тех или иных людей, не реагируем на их недостатки. Мы реагируем на недостатки традиции в том ее жизненном проявлении, какое мы на сегодняшний день имеем. Это большая разница. Мы как раз избегаем реакции на те или иные недостатки индивидуальных случаев или конкретных людей. Ведь так

можно действительно превратиться в «реакционную силу». Кроме того, сами эти недостатки могут быть совершенно случайными. Ну и, в конце концов, пусть люди сами об этом заботятся. Но в том — здесь легко перейти к осуждению или превозношению с нашей стороны: дескать, мы знаем как надо, а вот кто-то ничего никогда не знает. Понятно, что не об этом идет речь. Речь идет о традиции, о едином духовном поле Откровения и Познания, в котором живет Церковь. Здесь легко вылить приоритеты. Совершенно очевидно, что все это можно делать на разных уровнях глубины. Чем глубже, тем ближе к корням. Мы стараемся лечить корни, а не исправлять те или иные их проявления. Для нас это различие достаточно существенно. Мы стараемся добираться до этих корней, искать причины тех или иных недостатков, а не бить просто по этим недостаткам. Поэтому мы почти никого не критикуем за редким исключением. Братство иногда этим занимается. Но то братство, оно должно заниматься и этим.

А. Буров: Какие приоритеты у института в его образовательной и научной деятельности?

О. Георгий: Прежде всего — целостность. Для нас важно, чтобы люди, с одной стороны, знали традицию «вширь», т.е. знали ее живую историческую ткань, факты, а с другой стороны, не менее важно и «вертикальное» измерение — глубина и высота. И для нас совершенно безразлично, чем мы занимаемся. Мы можем заниматься очень конкретными вещами, но всегда такими, которые имеют отношение к этой полноте традиции, к ее жизни. Мы занимаемся богословскими разработками, потому что мы улавливаем самые трудные вопросы в богословии — в истории церкви, в экзегезе, в аскетике, в мистике, в библистике, в катехетике, в миссиологии. Существует и множество других направлений, которые для нас очень важны.

А. Буров: То есть приоритет института — это проблемные вопросы?

О. Георгий: Приоритет института — добраться до корней. До самых корешков, до самой глубины, насколько только мы можем войти в эту глубину и сделать ее прозрачной. Мы не гарантируем, что мы дошли до волосного корня, т.е. до тончайших и глубиннейших вещей. Об этом не нам судить. Но это наша цель — видеть с высоты и залезать вглубь, даже если это очень трудно или опасно. Ведь и то, и другое — достаточно опасное занятие, потому что инерция церковной жизни достаточно сильна, да еще в условиях, когда церковь волсен-ноленс часто сочетается с духом обскурантизма и фундаментализма или секуляризма и модернизма. Для нас это очень серьезно. Мы отгораем все ложные духи, но ведь на это место надо что-то ставить. Нельзя же что-то просто отгородить

и оставить пустое место. Тогда «войдут семь злейших духов», и будет только хуже.

А. Буров: Вы как-то говорили, что институт предназначен для вечности. Это очень дерзновенно. Так можно сказать о Церкви, но о каком-то учреждении церковном...

О. Георгий: А если учреждение принадлежит Церкви, а Церковь предназначена для вечности, то почему нельзя сказать это о части? Если ты предназначен для славы, то и твое тело предназначено для славы, для прославления. Это логика апостольская. Поэтому апостол может дерзновенно сказать, что тела наши суть храмы Святого Духа. Но ведь никто из нас сейчас такого бы не сказал, потому что мы все-таки боимся. Для нас то, что входит в Царство Небесное, то и существует, а остальное все неважно. Поэтому мы часто невольно разделяем церковь внутренне, как бы раздираем ее по разным частям. А этого не надо делать! Все, что принадлежит Церкви, причастно свойствам Церкви. Значит, и институт должны быть свойственны и святость, и единство, и соборность, и кафоличность, и личностность, и общение, и братскость, и ответственность... И значит, вечность.

С. Смирнов: Но все-таки мы же говорим об институте.

О. Георгий: А не об институции. Для меня институт — не институция. Институциональностью института мы готовы пожертвовать, если будет нужно сохранить его такой ценой. Мы всегда готовы вернуться в подпольное состояние.

С. Смирнов: Но все равно, ведь это наша жизнь. Жизнь одного-двух-трех поколений вечность не исчерпывается. Одно дело — сказать, что человек предназначен для вечности. Но он же не умирает. Он, в конечном счете, входит в вечность, но зная жизнь его кончается.

О. Георгий: Вечность должна просвещаться в земной жизни. Вот это важно, об этом речь. Не вначале земная жизнь, а потом вечность, а все-таки как-то по-другому.

С. Смирнов: И институт должен соизмеряться с вечностью?

О. Георгий: Ну, конечно! Он должен быть приобщен к вечности.

А. Буров: А чем мы не готовы поступиться никогда, ни при каких обстоятельствах?

О. Георгий: Именно этими вечностью, святостью, духовным единством — все, что я сейчас только что называл: истиной, свободой, любовью... В конце концов, ведением, знанием духовным, или теми открытиями, которые хранит институт и в своей памяти, и просто благодаря приобщенности к целостной церковной традиции.

С. Смирнов: Может ли опыт Института быть тиражирован или использован где-то еще в мире, в церкви? (О. Георгий: Безусловно. Что для этого нужно?)

О. Георгий: Общинно-братская жизнь, понимание тех же вещей, которые ставит перед собой братство и институт, и стремление к ним.

С. Смирнов: Вот есть движение «Воинство Господне». Они образованием занимаются?

О. Георгий: Сейчас занялись. Так же как СИНДЕС-МОС. Или Западноевропейское православное братство.

А. Буров: Вы имеете в виду бельгийский православный институт Св. Иоанна Богослова?

О. Георгий: Да, они сейчас открыли институт, который как две капли воды похож на наш.

С. Смирнов: Там концепция та же самая?

О. Георгий: Они родились самостоятельно, что является большой ценностью. Я очень ценю те вещи, которые рождены самостоятельно, абсолютно свободно, но которые в результате оказываются чрезвычайно близкими друг другу. Когда мы такие вещи находим, мы очень радуемся. Это то же самое, что происходит подчас с нашими переводами, с нашей общинной, братской жизнью. Когда что-то в церкви свободно начинает произрастать, результат оказывается чрезвычайно близким, абсолютно родственным, взаимопроницаемым и взаимопримлемым. Это меня всегда поражает. Для меня это одно из свидетельств того, что мы пока еще никуда не уклонились, не ушли в сторону. Потому что иначе мы бы все время «искрили» с другими. Но получается, что мы искрим только с теми, кто как раз не рос свободно, не знает что такое свобода в церкви, не знает, как служить Богу и Церкви в стремлении к полноте.

С. Смирнов: Институт, особенно в последнее время, интересуют богословские вопросы. Не чисто образовательные, не чисто археологические, исторические или церковно-практические, а еще и богословские. Мне кажется, что для этого в принципе есть предпосылки. Но вот в чем я вижу проблему. Я замечаю, что есть некоторые вещи, скажем, в посланиях апостола Павла, которые мне совершенно непонятны, потому что они предполагают общинную, общую жизнь — и, соответственно, если ты имеешь опыт какой-то опыт этой жизни, то понятно, о чем написано. Но если нет этого опыта, и причем нет даже века, то рождаются какие-то фантазии — я это заметил, в частности, в толкованиях

блаж. Феофилакта Болгарского. Поэтому многие аспекты церковной жизни нам открываются по-новому или по-хорошо забытому старому. И в связи с этим возникает ситуация, для меня не совсем понятная. Все-таки богословие — это, так или иначе, сложившаяся наука со своими стереотипами подачи материала, оформления работ и т.д. Недавно сложившаяся наука XVIII-XIX века: ссылки, обзор литературы и т.п. Но когда по-новому открывается то, о чем люди давным-давно не задумывались, зачем писать обзор литературы, который «не о том»? То есть мы в некотором смысле попадаем в ситуацию христиан первых веков. Вот блаженный Августин. Он был богослов? Наверное, да. Но ссылок на источники у него нет. Он писал то, что он думал. А апостол Иоанн — он богослов? Я не знаю, смог бы он защитить магистерскую или докторскую диссертацию по богословию, по догматике. (О. Георгий: По догматике — не смог бы точно). И получается парадоксальная ситуация. С одной стороны, вроде бы есть большие возможности в силу того, что больше может открыться, а с другой стороны, невозможно это вписать в рамки школьного богословия, не по содержанию даже, а просто по стилистике. Здесь нужно писать свободно и вдохновенно, а это уже не наука. Я уже не говорю, что для этого нужно особое дерзновение. И что делать?

О. Георгий: В этом, естественно, есть проблема. Всегда существовало и существует напряжение между личным творчеством, которое может быть мистическим, визионерским, вдохновенным — даже боговдохновенным — и собственно научной или богословской деятельностью. Богословие может существовать как откровение, а может существовать как изучение богословской традиции. Это разные вещи. Но иногда эти вещи сочетаются. Я недавно перечитал книгу о. Николая Афанасьева «Церковь Духа Святого», которую читал 30 лет назад. И я вижу, что у него есть и просто вдохновенные страницы, а есть и скрупулезное исследование, где он приводит цитаты и точные ссылки из Писания, из святых отцов и т.д. То есть у него есть и то, и другое. И для него это было принципиально важно. Я думаю, что же самое было у Шмемана, у Мейендорфа. Они все были и вдохновенными творцами — уж кто как, кому как это было дано — и в то же время учеными, просто обычными историками или богословами.

С. Смирнов: Я только что перечитывал «Введение в литургическое богословие», тоже спустя много лет. И удивился: вроде бы по отделимости все давно известно, а потом раз — и из этого складывается картина. Но у меня абсолютно не создается впечатления, что это научная работа. Хотя это докторская диссертация...

О. Георгий: Это немного было свойственно и самой школе — то, что собственно научная сторона была открыто во втором месте, даже у Афанасьева, хотя он много даст сылок. Вообще они много ссылались — и Булгаков, и Афанасьев, и Шмеман, и Мейендорф, и др. То есть они старались соблюдать научную форму. Но конечно, иногда это было поверхностно, иногда этого было недостаточно. Мне кажется, что в этом ничего страшного нет.

С. Смирнов: Вопрос в том — нужны ли нам научные рамки этого школьного богословия?

О. Георгий: Это зависит от способностей человека. Есть люди, для которых это очень важно — скажем, принципиально для дисциплины ума. А есть люди, для которых это абсолютно неважно. У них есть творческий импульс, они чему-то научены, знают общие вещи — и им совершенно неважно, кто на эту тему говорил и т.д. Я смотрю, кто привержен тому или иному типу мышления, и вижу, что это просто разные характеры. Да, это трудно сочетать. Но пусть будет и то, и другое. Я ничего плохого в этом не вижу. Есть историки философии, которые все знают о том, что что говорил — а есть подлинники философов, которые очень мало ссылаются. Они только берут какие-то самые фундаментальные высказывания,

которые просто знают наизусть, которыми они мыслят — и поэтому получают невольные цитаты, но они не выискивают эти цитаты сами. Так делал, допустим, Бердяев. Из него сделать академического богослова абсолютно невозможно. Но сказать, что он не имеет никакого отношения к богословию как к духовному направлению, как к осмыслению, как к прославлению Бога и умом и сердцем — невозможно. У него был и гностический дар, не только проческий.

Поэтому я думаю, что это просто очень индивидуальные вещи, и это нормально. Конечно, когда есть большие силы, большие возможности, когда все крутится при большом количестве народа, то там, с одной стороны, все обезличивается, а с другой стороны, выделяется что-то наиболее ценное, и идет скорее такая научная объективированная работа. А у нас маленький институт, и личные взаимоотношения с каждым имеют огромное значение. В таких случаях сугубо научная часть в том виде, в котором она сложилась в позитивистскую эпоху, отступает на второй план.

С. Смирнов: Если посмотреть на Сен-Серж при его основании, то видно, что в него со всей страны собрали, смели, упаковали и туда отправили российскую интеллектуальную церковную элиту. На всю Российскую империю — самый-самый цвет. И при этом все люди зрелые, со своим немаленьким жизненным опытом, после революции сильно прибавившимся, со своим высоким профессиональным уровнем. Кроме того, я прихожу к выводу, что тогда волилась порода людей, которых сейчас вообще, может быть, не встретить. Это интеллигентное дворянство, за которым столетия и десятки поколений. И это люди, которые к тому же с самого детства интенсивно работали по личному росту.

О. Георгий: Конечно. Общая культура была очень высокой.

С. Смирнов: Эти люди были причастны еще неразорванной церковной традиции — хотя, конечно, некоторые были со своим личным разрывом. А на что же мы рассчитываем? Ведь сейчас нет людей такого уровня. Нет концентрации такой, чтобы всех «самых умных» собрать...

О. Георгий: Конечно, нет. И не будет. История не повторяется. Поэтому нам приходится просто с людьми заниматься значительно дольше. Мы вынуждены людей учить почти десять лет. Полтора года оглашение, потом год колледж и пять лет бакалавриата и магистратуры. То есть это 7,5 — 8 лет. Более чем достаточно.

С. Смирнов: Но это с точки зрения подготовки студентов. А если говорить об уровне преподавательского состава и руководства?

О. Георгий: Нам повезло, мы живем в Москве. У нас ведь большая часть преподавателей не из членов братства. То есть мы просто выбираем из всех сливок, элит, которые в Москве существуют, выбираем лучших. Вот и все. По-

тому мы записываем их курсы или спецкурсы, или же они преподают на постоянной или на временной основе, так или иначе. Мы имеем возможность выбирать. Мы знакомы со всеми людьми. Их мало в России, еще меньше, чем было до революции — так мало, что мы знаем почти всех. Но, конечно, стоит и вопрос подготовки новых преподавателей. Нам нужно иметь большее поле выбора. И пусть эти преподаватели будут преподавать не только у нас. Собственно, так оно и происходит: наши выпускники, если они профессионально идут по этой стезе, не только у нас устраиваются на работу. Но мы бы хотели, чтобы было больше историков, библистов, богословов, философов христианства, миссиологов-катехетов и т.д. Чем больше их будет, тем лучше. Была бы возможность увеличить в два раза прием студентов, я бы увеличил.

Что касается руководства института — конечно, никто не может гарантировать, что в нем всегда будут люди одного и того же уровня, или какого-то все более, более и более высокого уровня. Мне кажется, что очень важна среда, в которой существует институт, и очень важно, чтобы цели и задачи института сохранялись, чтобы они были хорошо поняты и чтобы они не трансформировались под влиянием разных ударов судьбы, разных трудностей. Потому что людям всегда кажется: вот это уже устарело, давайте мы что-нибудь поменяем, это, и то, и вон то. Когда приходят новые люди, они всегда начинают очень круто что-то менять. Я этого очень боюсь, потому что если человек приходит в какое-то уже традиционное учреждение и начинает что-то менять — это первый признак небольшой его компетентности или неопытности, наивности, как и некачественности суждений.

Я могу сразу сказать, что мне очень трудно найти даже в нашем замечательном братстве или вообще в церковной среде сотрудников для руководства той или иной сферой деятельности нашего института. Но, тем не менее, Господь все-таки дает людей. Я думаю, что если братство будет самим собой, а в некотором смысле церковь и братство являются гарантией сохранения единства духа и смысла существования института, то все будет в порядке.

С. Смирнов: Когда-то у свт. Игнатия Бранчичинова я встречал фразу, что теперь прямого духовного наставничества, старчества нет, а нужно по книгам спасаться. Я не знаю, предполагал ли он книги, с которыми знакомимся в процессе обучения...

О. Георгий: Он не имел в виду, конечно, бурсацкое, схоластическое образование. Он имел в виду святоотеческое, старческое, монашеское образование. Это другая ветвь образования, которая как раз очень важна. В каком-то смысле она нам ближе, чем схоластическо-академическое образование. Мы у себя в институте не очень стимулируем эти схоластические вещи. Мы

их тоже, конечно, можем оценить, если у человека есть способности к ним. Но сказать, чтобы мы это ставили на первое место, нельзя.

А. Буров: Это определяет какие-то методические принципы? Есть ли какие-то принципиальные вещи в программах института, связанные с его назначением? От чего зависит программа института, ее построение?

О. Георгий: Имеется определенный набор предметов, которые на бакалавриате в основном преподаются «вширь» — когда дается просто масса информации. Допустим, история церкви читается просто от начала до конца: все основные события, все-все-все. И так каждый предмет. А на магистратуре мы не преподаем ничего заново, но идем «вглубь». Например, ведем семинары по конкретным проблемам. Так что у нас на магистратуре проблемные предметы, а на бакалавриате — обзорно-обучающие предметы, на что требуется много часов. Но это важнее, чем если люди читали бы просто книжки обзорного плана. Потому что в преподавании всегда присутствует живая концепция преподавателя и живое общение. У нас все курсы авторские, это тоже важно.

А. Буров: Вы хотели бы видеть в выпускниках церковную интеллигенцию?

О. Георгий: Безусловно!

А. Буров: А нужны ли они будут обществу? Зачем обществу эксперты по богословию?

О. Георгий: Когда мы увидели, что слишком начинаем замыкаться на себе и на своем, хотя это больше внешняя проблема, но все-таки и внешнее бывает связано с внутренним, мы подумали о религиозноведческом факультете. И это, по-моему, правильно. Пока он еще только разворачивается, он еще совсем небольшой, но он, тем не менее, существует второй год. И тут интересы общества очень сильно затронуты. Это как бы наука о религиозном опыте, о религиозных традициях и о проявлении религиозности самого разного типа в современной жизни. Поэтому мы туда принимаем и неверующих, или же неправославных, но христиан.

А. Буров: Чего Вы ожидаете от тех людей, которые учатся в институте, которые его заканчивают? Чтобы они, войдя в полноту традиции, — что делали?

О. Георгий: Чтобы они полноценно могли служить Богу и Церкви. Причем очень личностно.

Институт — это живое место, это живая клеточка церкви, это живой орган церкви. Поэтому он еще существует как некоторое свидетельство об определенном даре. И мы должны приносить соответствующий плод на этот талант, на этот дар, не закапывая его в землю.

Беседовали Александр Буров и Сергей Смирнов

¹ Institute de Teologie Orthodoxe Saint-Serge — православный богословский институт св. прп. Сергия в Париже

² автор — прот. Александр Шмеман

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИ СОДЕЙСТВИИ ОТДЕЛА РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КАТЕХИЗАЦИИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

проводит 26 — 28 мая 2008 г. международную научно-богословскую конференцию

«ОБРАЗОВАНИЕ В XXI ВЕКЕ: СТРАТЕГИИ И ПРИОРИТЕТЫ»

Сегодня церковь и светское общество испытывают острый дефицит образованности.

Образование теряет целостность, становится лишь способом привития полезных навыков, изучением совокупности техник. Так и не удается преодолеть его идеологичность, попытки манипулирования сознанием, навязывание стереотипов. Огромные духовные и культурные ценности, созданные в мировой и российской истории, оказываются невостребованными, а восприятие их — искаженным в угоду политической или иной конъюнктуре. При этом изыскания церковных и светских ученых часто ведутся параллельно, если вообще не идут вразрез друг другу. Необходимо переломить ситуацию, искать новые парадигмы образования. Свято-Филаретовский институт, созданный 20 лет назад как учебное за-

ведение, совмещающее светские и церковные традиции образования, стремится сделать принципиальный шаг в этом направлении.

В рамках проводимой институтом конференции предполагается определить доминанты образования в XXI веке, прояснить стратегии и основные приоритеты образовательной деятельности. Хотелось бы при этом познаться с опытом позитивного решения названных выше проблем.

Разговор о современном образовании не может вестись без тесного неформального общения представителей светской и духовной культуры. Поэтому в конференции примут участие член-корр. Российской Академии образования Александр Асмолов, председатель Отдела по религиозному образованию и катехизации Московской патриархии архимандрит Иоанн (Экономцев), ректор СФИ

проф.-свящ. Георгий Кочетков, зав. лабораторией Психологического института РАО Александр Мелик-Пашаев, зав. кафедрой философии религии и религиозноведения философского факультета СПбГУ проф. М.М. Шахнович, славист проф. Жорж Нива, члены Общественной палаты при президенте РФ проф. Вячеслав Глазчев и телеведущий 1 канала, автор программы «Судите сами» Максим Шевченко, телеведущий канала «Культура», автор программы «Тем временем» Александр Архангельский, народный артист РФ Сергей Юрский и др.

По итогам конференции будет издан сборник, в который войдут не только доклады, но и выступления в дискуссии.

Конференция состоится в помещении Свято-Филаретовского института по адресу: Москва, ул. Покровка, д. 29, оф. 38. Эл. адрес: info@sfi.ru. Тел. (495) 6230380, 6257786

«ПО ПЛОДАМ ИХ ПОЗНАЕТЕ ИХ»

Открытое письмо приходского совета, приходского собрания и прихожан псковского храма Святых Жен Мироносиц

Продолжение. Начало на стр. 1

Для своей паствы наш второй, рядовой священник о. Владимир оставался очень внимательным собеседником и духовником. Однако, эта внимательность выразилась в канонических нарушениях порядка богослужения, без чего вполне можно было и следовало обойтись.*

Пастырское служение о. Владимира от соблюдения норм ничуть бы не пострадало. Настоятель храма, как старший по возрасту и по должности, призвал второго священника к порядку, подробно письменно объясняя богословскую сторону дела и ссылаясь на св. отцов, богослужебный Устав и распоряжения Патриархов. Следовало совершенно неадекватная реакция в виде тех самых недостоинных писем со встречными клеветническими обвинениями со смыслом вроде «сам дурак!». А как можно было позволять себе ставить свое сумки на Горнее место, где в древней Церкви восседали апостолы и святители? Как можно теми же сумками или ногой открывать двери иконостаса? Как можно в алтаре во время службы громко разговаривать по мобильному телефону, пусть даже со своими духовными чадами? А каждодневно опаздывать к началу богослужения на полчаса, на час, на полтора? А издавать истошные вопли вместо достойных священнических возгласов? А проявлять небрежность в обращении с богослужебными сосудами? А хамить и сваливать свои упущения на настоятеля? Что это — распушенность? Душевная болезнь? Духовная прелесть? Никакие увещания отца настоятеля не действовали. Видимо, не обошлось здесь и без козней лукавого — от о. Владимира постоянно слышались «духовные» советы самого суеверного свойства, граничащие с шаманством.

После того, как стало совершенно ясным, что призвать о. Владимира к порядку невозможно, отец Павел и Приходское собрание неоднократно письменно просили архиепископа Евсевия отозвать его из нашего храма. Ответом было молчание. Недавно мы получили ответ в иной форме. Однажды, придя в храм, как обычно, в воскресный день, мы обнаружили, что у нас теперь новый молодой настоятель, а о. Павел переведен в рядовые священники. Как оказалось, архиерею писал и о. Владимир, по-своему трактуя ситуацию на приходе. И похоже, что угодили награду за свои труды он получил еще летом в виде «золотого» наперсного креста.

У всякого механизма есть свой срок службы, после которого он может начать барахлить. Старый будильник можно выбросить, не дожидаясь поломки, и купить такой же новый, четко отсчитывающий часы и минуты. В церковной общине, да и в любом нормальном человеческом обществе не все так просто. Все люди разные, с разным опытом, с разными жизненными взглядами и устремлениями. «По плодам их познаете их». «Плоды» проведённой перестановки не замедлили явиться. Вопрос целесообразности существования нашей школы регентов, с коммерческой точки зрения, предприятия явно для прихода избыточное, решился о. Новый настоятель о. Сергей, встретившись с родителями учеников, заявил их в том, что школа не откроется, напротив, лет через пять школа будет переведена в новое двухэтажное здание, правда, на Запсковье и будет называться «Епархиальной православной гимназией». Пока же придется только поднять плату за обучение, уж слишком низко! Родители успокоились — школа остане! Что же это будет за заведение? Руководительский состав, конечно, сменится — там должны быть свои люди. У опытных квалифицированных учителей оказалась слишком высокая зарплата, поэтому была высказана мысль: а не стоит ли их тоже сменить на молодые, более дешёвые кадры. А нужны ли будут новому руководству богословские и музыкальные дисциплины в том объеме, в котором они давались до сих пор? У нас уже был недавний печальный опыт православной гимназии, отколовшейся от Православной школы регентов. Священник приходил на беседу раз в месяц, а никаких музыкальных предметов не было и в помине. Зато помещая плата за образование была непомерно высокой. Надеемся, что такой опыт не повторится.

Что же будет с нашей приходской библиотекой? О. Сергей решил за всех нас, что она нам не нужна. В небольшом Рождественском приделе, занимаемом библиотекой, предполагается устроить церковный магазин, а библиотечные книги мы сможем сложить в сыром подклете церкви или, если не устраивает такой вариант, пополнить фонды Соборной библиотеки. Где же будут брать книги прихожане и школьники, на других приходах? А наши книги будут читать мыши и мошки!***

* Несколько примеров. Для принятия исповеди о. Владимир выбрал среднюю литургию, отчего она оказывалась разорвана пополам двухчасовой паузой. Тело и Кровь Христовы после совершения литургии оставались до вечера на престоле, а не потреблялись священником сразу после литургии — мало ли кто, прощая мимо, захочет причаститься! Вместо совершения предписанных Уставом вечерни и утрени о. Владимир предпочитал кафиссы, причем даже не праздничными святым, а кому заблагорассудится. Служил литургию, даже не побывав на вечерней службе накануне и т.п.

** Отношение к книге всегда красноречиво характеризует культурный уровень человека, здесь же речь идет еще и о книге духовной. Когда-то, во времена восстановления храма и открытия школы, правящий митрополит Владимир (ныне С.Петербургский и Ладожский), не благословил устроить в приделе Рождества не то что церковную лавку, а даже учебный класс, но дал согласие на библиотеку.

Это, конечно, очень современно: коммерция вместо нерентабельного просвещения! Правда, что-то возмущал против торговли в храме Христос, но ведь это было так давно!

Опустели и хоры нашей церкви (ушел регент). Кто займет место религиозного, талантливого музыканта и композитора с большим опытом служения Церкви и консерваторским образованием? Как известно, у

Здание школы при храме

нас незаменимых людей нет. Найдут нового регента, соберут новый хор, заменят старосту, наберут новую «десятьку». Нестроения церковной жизни общины будут устранены путем отсечения неугодных ее членов. А народ Божий, как прежде, будет тянуться в храм, покупать бумажные иконы, ставить свечи, заказывать требы и участвовать в таинствах: «Мы ведь не к священнику, а к Богу ходим».

Когда в храме нестроение пенне или плохие иконы, молиться Богу очень трудно, разве что вопреки тому и другому, закрыв глаза и заткнув уши. Но что нужно заткнуть, когда в жизни и служении священника нет горения духа, когда его проповеди не трогают душу, не отражают духовных исканий прихожан? Очень трудно быть на таких богослужениях. Разницы не заметит только тот, кто заходит в храм перекреститься и поставить свечку.

По словам нового настоятеля, пришла пора наводить порядок. Видно, он имеет в виду железную дисциплину, без лишнего рассуждений, как в армии. Ведь «мы, священники, как солдаты, что прикажет — должны выполнять!» Так что приказывайте, Высокопресвященнейший Владыко! Ваш «наемник» (самоопределение о. Сергея) готов к любому приказанию. Он и нам, прихожанам, готов внушить такие же послушание и смирение.

В истории Церкви были периоды, когда императоры и епископы впадали в заблуждение и ересь. Тогда истина звучала устами мучеников и исповедников. Они не могли молчать, и им, как прп. Максиму Исповеднику, отрезали язык. Они не могли не писать в защиту Церкви, как прп. Иоанн Дамаскин, и им отрубили руку. Не могли не обличать беззаконие власти и мущин, и их лишали сана и ссылали в заточение, как свт. Иоанна Златоуста, отрубили голову, как св. Иоанну Предтече. Все это стойко принимали воины Царя Небесного. А их мучителями были воины царя земного. А вы, нынешние пастыри, какого царя воины?

«Извольте Духу Святому и нам...» — так писали в посланиях св. апостолы. В них осязимо действовала благодать Святого Духа. Какого же духа плоды мы ощущаем теперь на себе?

«Что же вам еще нужно? Как духовник отец Павел у вас остане?», — недоумевает новый настоятель. Да, отец Павел остане, по крайней мере, пока. Служит, произносит проповеди. В школе, как прежде, идут уроки, в церкви поет детский хор.

Вроде бы ничего не произошло. «Все мы здесь наемники» — позиционирует себя о. Сергей. Да и какая, действительно, разница между Пастырем и наемником, если стаду все равно? Да и «какие здесь могут быть волки?» — Волки бывают только на картинках!... И тут они увидели настоящего живого волка» (С. Михалков. Три поросенка). Одним поросенком меньше, одним больше... Да и что за прок нам от нескольких худосочных поросят? — Пускай их себе ест волк на здоровье!

Такой же, видимо, прок, как от пациентов Богдановской психиатрической больницы, для которых трудом и молитвами о. Павла был построен храм св. великомученика Пантелеимона. Какова же его дальнейшая судьба? Теперь это уже давняя история. С помощью Божией строительство храма было завершено, и владыка не замедлил выразить свою «благодарность» — назначил туда настоятелем другого священника. И дело не в том, что тот, не приложив собственных усилий, воспользовался всем готовым — был бы свой Богу и прихожанам! Что вышло с идеей возведения пациентов и персонала больницы? Администрация инициативы не проявляет, так же, как и священник со своей паствой. А местное население? В

храм заходят только самые невозмутимые и смелые. Остальные разворачиваются у дверей, смущенные интимными вопросами (скорее, допросами) служительниц, уверенных в страшной греховности каждой живой души, входящей в «их» храм, равно как и в своем праве вести подобные расспросы. И радуйтесь, если в вас вдруг не обнаружат здесь беса! Так в чем же смысл такого пастырского служения, такой миссионерской деятельности Церкви? Может быть, смысл здесь самый простой, тот же самый, что и в мироносицких переменах — погубить труды жизни отца Павла?

А кого теперь заинтересует судьба подростков детей из сиротского приюта в Писковичах? После материальную поддержку им оказывал храм св. Жен Мироносиц. Оказалось, что их судьба интересует одного отца Павла. Официальным поводом для отказа в финансировании послужило то, что приют и свечная мастерская оформлены на его имя. Посильно работая при храме и школе, ребята и так попали в материальную зависимость от нового настоятеля. Как будут они существовать, если потеряют еще и работу? В ком найдут участие и защиту?

Можно никогда не слышать о страхе Божиим, но жить благочестиво. Можно ничего не говорить о Боге, но самой своей жизнью являть образ Божий. Неужели в современной церкви всерьез считается, что послушание духовному начальству отменяет такие общечеловеческие и христианские добродетели, как справедливость, порядочность, почтение к старикам, бескорыстность и самоотверженность в служении ближнему, непреклонность в исповедании истины, честное следование велению совести? Так каким духовным авторитетом в обществе будет обладать Церковь, если в ней, как и в этом обществе, праведник будет преследуем, а процветать будет послушный, готовый на всё беспринципный холоп? Да еще все это будет лукаво выдаваться за якобы «христианское» послушание! Ведь это же клевета и богоуловство!

Молчит высшая церковная власть, все покрывая. Молчит и народ Божий. Может быть, он спит? Так некогда спал Иерусалим в ночь, когда распяли Христа. Для большинства его жителей это была обычная ночь, одна из многих. Первые христиане ждали пришествия Господа с радостью. С какою совестью думаем встретить Его мы? Там, на Страшном Суде, дела наши осудят нас. Тогда за каждое праздное слово дадим мы Богу ответ. Дадим ответ и за молчание. За то «молчание, которым предается Бог».

Р.С. На десятке отправленных писем и публикаций в СМИ приходского храма святых Жен Мироносиц не получили никакого ответа. Безусловно пытались попасть на приём к святителям в Москве и Пскове. «Ибо и псы едят от крупиц, падающих от трапезы господ». Молчит Патриархия. Молчит митрополит Евсевий.

Как это нам понимать? Нужны ли мы вам? Или паства и её проблемы вам безразличны? Святители! Пастыри! Отзовитесь!

ПРИХОДСКОГО СОВЕТА:

1. Яковлев Виктор Николаевич, Председатель, ул.Рокоссовского, 26-8, т.55-03-49
2. Аделгейм Иван Павлович, ул.Инженерная, 62 «А», кв.81, т.53-03-84
3. Балакирев Анатолий Петрович ул. Петровская, 8а, кв.51; Тел. 46-08-08
4. Гусев Пётр Яковлевич, Коммунальная, 44-А, кв.62. тел. 55-35-56
5. Цапенко Виталий Анатольевич, 11.05.57 г. ул. Стахановская, 13, кв.53
6. Гук Александр Юрьевич; Рижский, 67 кв. 148, тел. 14-03-04

ЧЛЕНЫ ПРИХОДСКОГО СОБРАНИЯ:

7. Дубровская Татьяна Васильевна, Октябрьский, 18-23; Т.16-94-93
8. Ганюков Олег Владимирович, пос. Родина, Школьная, 1, кв. 15; Т.17-34-43
9. Семёнов Виктор 180019 Псков, Алтаева, 3, кв.17; Тел. 52-05-16
10. Михайлов Виталий Александрович тел. 16-19-84; моб. 8-911-353-40-71
11. Обозный Константин Петрович, Горького, 15-7; Т.44-35-49; моб.8-905-295-87-06
12. Ганюкова Мария (пос. Родина, Школьная 1, кв. 15; Тел. 17-34-43
13. Миронова Тамара Тимофеевна, Юбилейная 71 «А», кв. 34, тел.46-12-29
14. Михайлова Маргарита Викторовна, ул. Байкова 7, кв. 25, т.55-21-98
15. Закревский Александр Вадимович, Стахановская 2, кв. 30; т.66-32-73
16. Дубов Юрий Михайлович, Звёздная 6, кв. 55 т.53-35-56
17. Черепанова Светлана Павловна, Индустриальная, 49-161; т.53-05-75
18. Токаревы Александр и Татьяна, Юбилейная, 93-38; т.74-08-51
19. Юганова Анна Васильевна, Пушкина, 9-2, тел.66-40-71.

И ещё очень много православных христиан

ОН СТАРАЛСЯ ПОДДЕРЖИВАТЬ ВСЁ ЖИВОЕ В ЦЕРКВИ

Интервью со свящ. Георгием Кочетковым
7 апреля 2008 года, в день кончины отца Виталия Борового

— Было сказано однажды, что с кончиной Сергея Сергеевича Аверинцева закончился XX век, завершилась целая эпоха. Можно ли сказать, что жизнь отца Виталия Борового — тоже целая эпоха, эпоха в новейшей церковной истории? Каково значение личности отца Виталия для церкви?

— Сейчас ответить полностью на этот вопрос невозможно. Должно пройти какое-то время, чтобы ответ был более объективным, более целостным и менее зависимым от эмоций. Но в любом случае не может быть никаких сомнений в том, что о. Виталий — знаковая фигура, что он один из крупнейших деятелей Русской православной церкви второй половины XX века. Если о Сергее Сергеевиче было сказано, что с ним закончился целый XX век, то отец Виталий сам прожил целый век. Он умер на 93-м году жизни. Очень важно то, что он родился не в СССР. Он родился в 1916 году в семье белорусских крестьян и жил в Прибалтике, Западной Белоруссии, Польше. Потом учился в Вильнюсе и Варшаве и только перед войной оказался на территории Советского союза. Он созрел как личность не будучи под советской властью. И этот свободный дух о. Виталий сохранял всю жизнь.

Он всегда старался помогать церкви в том реальном состоянии, в каком она находилась в тяжелые подсоветские и первые постсоветские годы. После войны он восстанавливал Минскую семинарию в Жировицах и преподавал сначала там, потом, в конце 1950-х — начале 1960-х — в Ленинградской духовной академии. Он чувствовал себя учеником Василия Васильевича Болотова, стремился продолжать его дело и хотел, чтобы на него смотрели, прежде всего, как на профессора, преподавателя церковной науки. Он хотел создать книгу, которая была бы продолжением дела Болотова — история церкви, но с учётом тех открытий исторической науки, которые произошли в XX веке.

Он, конечно, был и церковным дипломатом, но честным и преданным церкви. Удивительно, как человек, который в советские-то годы был представителем церковных верхов, заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений, мог ни разу никого не предать, не написать ни одной бумаги в КГБ или в другие советские органы, которые могли бы принять, что называется, оргмеры по отношению к кому бы то ни было. Он множество раз испытывал гонения и угрозы. Когда в конце 1970-х годов его — единственного протопресвитера Русской православной церкви — снимали с должности настоятеля Патриаршего собора, власти говорили ему: «Вы нам со своими проповедями тут не нужны. Поезжайте проповедовать в Женеву, там кому угодно проповедуйте». Он всегда говорил правду, говорил острое и рискованное, но умел говорить это так, чтобы не попадать в слишком сложные, безвыходные ситуации, и всю жизнь уходил от людей, «ищущих повода». Только один раз у него это не получилось — когда в 1984 году его сделали «невысказанным» и убрали из Женевы, а потом даже стали допрашивать в КГБ по клеветническому доносу одного из священников, служивших с ним в то время в одном храме в Женеве.

Он старался поддерживать всё живое в церкви. Он ценил вещи неформальные, исходящие изнутри традиции, и любил напоминать слова Болотова о том, что для церкви канонично всё, что для нас реально и всерьёз полезно. Он был человеком очень послушным иерархиям, хотя иерархия его не слишком любила. Он был выдающимся богословом — может быть, лучшим богословом Русской церкви второй половины XX века внутри Советского союза и России. Наследие отца Виталия, которое сейчас неизвестно почти никому, кроме узкого круга людей, ещё будет выявляться и собираться, я в этом уверен. И он займёт ещё — и через свои проповеди и работы, и просто как человек, достойно проживший свою долгую жизнь в служении Богу и Церкви — достойное место в общей памяти нашей церкви.

— Вы считаете о. Виталия одним из немногих своих духовных учителей. Почему Вы выбрали именно его?

— В молодости я искал учителей. И Господь мне действительно посылал тех, у кого можно было учиться. Я считая всех своих учителей истинными праведниками, истинно святыми людьми — и отца Тавриона (Батозского), и отца Всеволода Шпиллера, и отца Иоанна (Крестьянкина), и отца Виталия Борового. Они все очень разные, но в каждом из них действовал Дух Божий, и благодаря этому разнообразию, несмотря на их человеческие немощи, недостатки, а иногда и ошибки, мне как раз удалось найти тот путь, который мне сейчас кажется самым главным, самым центральным, самым плодотворным. Поэтому моя благодарность отцу Виталию бесконечна, как и всем другим моим учителям. Да, конечно, человек не может только повторять своих учителей, никто никогда этого не делает. Но человек, у которого нет школы, нет учителей, не может быть человеком серьёзным и глубоким, тем более целостным, а для каждого из нас это очень важно — и для нашего движения, Преображенского сообщества малых православных братств, и для нашего института, и для всего, что мы делаем.

Мы с о. Виталием подружился в первой половине 1970-х годов, и уже в 1975 году я открываю рассказывать ему обо всем, что я думал о возможности возрождения Русской церкви в тех условиях, в которых она реально находилась в нашей стране. И он был горячим поборником этого пути возрождения. У него на много

были свои взгляды. В большей части мы сходились в своих мнениях, но где-то были и разногласия.

— И как Вы разрешали эти разногласия?

— В споре, конечно. Отец Виталий был прекрасным спорщик. Не всегда мы друг друга убеждали. Не всегда я его мог убедить, не всегда он мог меня убедить. Но мы всегда оставались друзьями, хотя отец Виталий не склонен был к легкомыслию, к легковерию. Он даже в советские времена мог позволить себе шутку — мол, где собраны двое или трое православных, там один из них доносчик. Шутки шутками, но он действительно был человек не легковёрный. Однако он понимал, что нужно выяснять истину. И когда он всё-таки был убеждён кем-то в том или ином вопросе, он был готов поменять свою точку зрения.

— Т.е. он не держался за своё мнение?

— Наоборот — держался, так же как Сергей Сергеевич Аверинцев и многие другие. Он не легко отказывался от своих убеждений. Но, держась за всё это, он не был закрытым, недиалогичным человеком, потому что он был настоящим богословом и настоящим историком. Это самое главное. Не псевдо-историк, не псевдо-богослов, которых сейчас стало много, а настоящий учёный. Он понимал, что наука всегда должна двигаться, и учёный должен всегда развиваться в своём учении и в своих воззрениях.

— Каково его значение для возрождения духовного образования в России? Что самого важного он сделал для СФИ, членом Попечительского совета которого являлся многие годы?

— Он всегда считал себя в первую очередь профессором. Поэтому сфера церковного образования была для него самой горячей, самой центральной темой. Он много делал, преподавал, как я уже говорил, в Минской духовной семинарии, потом в Ленинградской духовной академии, потом, до самой пенсии, — в Московской духовной академии. Он всегда проповедовал и, несмотря на некоторые стилистические особенности своей речи и повышенную эмоциональность, был блестящим проповедником. Он преподавал и в аспирантуре при Отделе внешних церковных сношений, и делал это всегда очень живо, искренне, горячо, имея в виду большую перспективу.

Он с удовольствием принял приглашение быть членом Попечительского совета нашего института. Он много проповедовал в часовне института, выступал с лекциями, давал советы и буквально до последнего дня был научным руководителем некоторых наших магистрантов и студентов бакалавриата. Он очень хорошо знал русское религиозно-философское возрождение, труды святых отцов и Священное писание, историю Византии и историю Русской церкви. Он умел делать выводы из истории и из богословия. Он понимал, какие вопросы остаются открытыми. Поэтому он защищал нас от нападок псевдо-богословов в конце 1990-х годов прошлого века и в первые годы XXI века. Он прямо утешал меня своими компетентными и мужественными заверениями в том, что он знает богословие и может засвидетельствовать, что никаких ересей в моих трудах нет. А есть — и об этом он тоже свидетельствовал — непривычные формы и не готовая к ним аудитория, которая часто думает только на уровне филаретовского катехизиса, схоластических форм и формул и часто не способна воспринять ничего живого и творческого, открытого Духу и дерзновенного.

Значение о. Виталия для нашего института огромно. Он, вместе с Сергеем Сергеевичем Аверинцевым, вместе с архиепископом Михаилом (Мудьюгиным) и, в определенном же смысле, заочно, вместе с Николаем Бердяевым и о. Сергеем Булгаковым, безусловно, один из столпов, на которых стоит традиция нашего института и нашего братства.

Фото на странице Анатолия Мозгова

Свидетель подлинной Христовой веры

7 апреля отошел ко Господу
прот. Павел Алексахин

Дорогие о. Георгий, Ольга Григорьевна, все братья и сестры!

Примите наши братские соболезнования по случаю кончины дорогого отца Павла, отошедшего ко Господу, по Его милости, в праздник Благовещения Всесвятой Богородицы!

Мы благодарим Бога за то, что сподобились знать его лично, общаться с ним, в чем-то учиться у него. Он есть свидетель подлинной Христовой веры, молитвы и жизни, он — тот настоящий христианин, за которым не страшно пойти и «на край света».

Земное служение о. Павла было неизмеримо большим, чем служение обычного приходского священника. Он взял на себя ответственность не за отдельные людей, а за церковное собрание, за единство, которое появляется только в общей жизни. И в этом он был на переднем крае борьбы за дело Божье, сам показывая пример и уча других воинов Христовых духовной «науке побеждать».

В принципах аскетической жизни, которые он проповедовал, была явлена подлинная церковная традиция. Но главное — эти принципы не искусственны, они целостны и поэтому в них есть жизнь. Не только для нас, членов Преображенского сообщества малых братств, не только для вас, учеников о. Павла, но и для всей Русской православной церкви сейчас нужна простая, строгая, целостная христианская жизнь в мире, но не от мира, чтобы имеющие земные блага одновременно были как не имеющие их.

Для многих из нас он явился вдохновенным примером в борьбе с человеческими немощами, грехами и страстями ради укрепления в вере, стяжания благодати Божьей и обретения радости во Христе. О. Павел сам всегда являл такую радость, чем вдохновлял многих и многих людей, не давая им погрузиться в уныние и гордыню. Живой ум старца, непримиримость ко злу и греху и в то же время исполненное любовью и милосердием сердце укрепило многих людей в Христовой жизни. О, сколь много может совершить Господь через человека, если человек знает свое призвание от Бога, идет за Ним и не развращается. Взвиря на полвиз жизни старца и всех нас нельзя не воскликнуть: «Жив Господь и жива Церковь Христова!»

Дорогие братья и сестры! Эти дни для вас — дни скорби, и мы также разделяем ее. Но скорбь эта светлая, а сердце Господь исполняет и другими, победными звуками: «Если зерно пшеничное, упав на землю, не умрет, оно остается одно; если же умрет, приносит много плода». Мы верим и знаем, что наши пути пересеклись неслучайно. Общины и братства Сообщества малых братств тоже должны основывать свою любовь и общение, миссионерское свидетельство миру и усилия в области христианского образования и воспитания на этой живой аскетике. «Всakoе дело начинай с тела», как любил повторять для всех нас о. Павел.

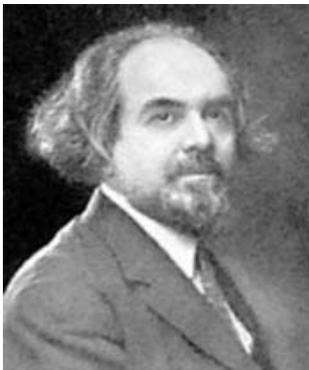
Верим, что у вас остается премирное руководство. Мы верим, что тот, кто будет возглавлять общину после о. Павла, сможет сохранить то, что и было всегда содержанием вашего движения, что никогда не прервется, пусть даже внешне и тонкая, та ниточка, которая идет от преподобного Серафима, и что мы всегда будем делать одно дело, пусть и не единообразно.

Верим, что Господь не оставит вас Своей благодатью и милостью. Надеемся, что общение наше во Христе будет расширяться и крепнуть во славу Его святого имени и святой православной Церкви.

С братской любовью во Христе
свящ. Георгий Кочетков,
братья и сестры Преображенского сообщества малых православных братств,
сотрудники, преподаватели и студенты Свято-Филаретовского православно-христианского института

НЕУЖЕЛИ ЕГО КОГДА-НИБУДЬ НАЗОВУТ УЧИТЕЛЕМ ЦЕРКВИ

исполнилось 60 лет со дня кончины великого русского христианского мыслителя Н.А. Бердяева

Он умер тихо, за письменным столом в своём доме в Клямаре, приступив к работе над новой книгой, которая, по воспоминаниям сестры жены Бердяева Е.Ю. Рапп, многолетнего его друга и помощника, должна была быть посвящена проблемам мистики и таинств Церкви. Так мирно завершилась жизнь великого «революционера духа», подлинного пророка Божьего — обличителя всякой неправды и несвободы, защитника гонимых, «униженных и оскорблённых», исполненного до эсхатологического устремления всякого добра и красоты, истины и любви в жизни преображённого мира.

Бердяев скорбел, что его не понимают. Трудно отнести эти слова к мыслителю, чьи произведения были чрезвычайно популярны на Западе; по мнению современников, Бердяев несомненно был самым известным (может быть даже единственным широко известным) русским философом в Европе. Можно сказать, что его труды вдохновили многих представителей христианского персонализма — целого направления в западной философии XX века. Правда, в среде соотечественников он часто оказывался как

бы в духовном изгнании (помноженном на горечь изгнания внешнего, которое переживали вместе с ним в то время миллионы русских людей). Однако, несмотря на былую популярность, сейчас многие стараются его наследие сдать в архив истории философии и культуры.

Произведения Бердяева создают иллюзию понятного чтения, но часто это далеко не так. Его афористичная манера изложения увлекает и действительно помогает открывать и приобщаться к какому-то важнейшему смыслу и интуиции. При этом профессиональные философы недолюбливают его за нефилософский, нестрогий стиль, за несистемность и якобы нецелостность мышления. Однако при всём многообразии и огромном количестве тем и проблем, затрагиваемых в многочисленных работах Бердяева (по библиографии, составленной Т. Клепининой, это около четырёхсот страниц), все они вращаются вокруг нескольких ключевых пунктов его философских вопрошаний: Бог и человек, божественство духа, свободы и истины, объективация как мучительное состояние «мира сего», требующее творческого преображения в «новое небо и новую землю», назначение человека в осуществлении этой великой задачи (и значит, судьба христианства)... И лёгкое чтение оказывается на поверку весьма непросто. Потому что оно требует наличия и актуализации всего внутреннего, духовного опыта читателя. Только тогда внешне слабо связанные темы обретают согласное и стройное полифоничное звучание.

Другая сторона непонимания заключается в том, что для Бердяева философия (и его собственная философия, в частности) предполагает не просто интеллектуальную теоретическую работу, но требует воплощения, практической реализации в жизни. Задача философии и философа как познающего субъекта — не только пассивное познание сущности, природы вещей, но и активное действие в мире. Всякая подлинная философия обязана иметь проективный, творческий характер (философ — не только

теоретик, но и жизненный практик). В этом смысле само творчество, любимая бердяевская тема (как и познание), предстаёт как свободный отклик субъекта (человека) на Богооткровение, совершающееся в мире, на призвание Божие, обращённое к каждому человеку.

Может быть поэтому, несмотря на всю свою непрактичность и неприспособленность к обычной жизни (что он сам иронично отмечал), Бердяев промыслительно оказывался чрезвычайно плодотворным не только на интеллектуальном поприще, но и в практическом делании, в реальном духовном объединении людей. Вокруг него (того, кого так поразительно неверно считали индивидуалистом!) объединялись люди, возникали различные, как мы бы сказали сейчас, гуманитарные и духовные проекты: достаточно упомянуть такие масштабные, как создание в Москве Вольной Академии Духовной Культуры в 1918 г., издание журнала «Путь» в эмиграции, «Православное дело» м. Марии (Скобцовой) и др. Даже дом Бердяева в Клямаре был притягательным для людей, постоянно открытым для самых разных гостей духовным очагом.

Бердяев заложил основы для нового осмысления христианского откровения. Пристальное, целозизненное, «экзистенциальное» внимание к вопросам назначения человека, смысла его жизни, к судьбе людей в современном мире привело к новому рождению глубинных христианских интуиций — об императиве ответственной личностной свободы человека, следования за Духом во всём; полаганию «базовых ценностей» в Боге и человеке, их общении, а значит — и христианском, церковном бытии как общении. Особенно актуально это становится в наше переходное время, когда на смену завершившейся «Константиновской» эпохе и соответствующей парадигме должно прийти новое видение внутреннего и внешнего устройства церкви.

Творчество Бердяева требует нового прочтения и нового понимания. Быть может, должен появиться толкователь,

который бы раскрыл для широкой публики всё значение гениального мыслителя (как, например, в случае открытия заново Хайдеггером непризнанного в своё время Гельдерлина). Тогда станет ясно, что целостность языка и мысли Бердяева таковы, что могут придать новое вдохновение христианам и снова явить христианство (реализуемое, прежде всего, как жизнь в братском общении и любви) силой, способной изменить мир. Как выразился один из наших современников: впервые после ап. Павла кто-то сделал шаг по обретению того нового, не онтологического, христианского языка, который только и способен сам выразить христианский опыт. Несомненно, что со временем христианам станет ясно, что Бердяев — по всеохватности своего философско-практического устремления — может быть сравним с Оригеном и другими величайшими учителями Церкви. Так неужели Бердяев (Бердяев?) — учитель церкви? На подобные законные недоумения по отношению к другому великому человеку и выдающемуся мыслителю (А.С. Хомякову) прекрасно ответил его ученик Ю.Ф. Самарин:

«Кому удавалось логическим уяснением той или другой стороны церковного учения одержать для Церкви над тем или другим заблуждением решительную победу, тем называли учителями Церкви. Как называли теперь Хомякова — мы не знаем... Как? Хомяков, живший в Москве, на соборной площадке, наш общий знакомый, ходивший в зипуне и в мурмолке; этот забавный и остроумный собеседник... этот вольнодумец, заподозренный полицией в неверии в Бога и в недостатке патриотизма; этот скромный мирянин, которого в серый, осенний день похоронили в Даниловом монастыре пять или шесть родных и друзей; за гробом которого не было видно ни духовенства, ни ученого сословия; это отставной штабс-ротмистр, Алексей Степанович Хомяков — учитель Церкви? Он самый!»

Вот и Н.А. Бердяев — из «тех же са-мых».

Максим Граненко

ВЫШЕЛ В СЕТ ТРЕТИЙ ТОМ «ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ»
ЕГО ПРЕЗЕНТАЦИЯ СОСТОИТСЯ 16 АПРЕЛЯ В 19.00 В БИБЛИОТЕКЕ-ФОНДЕ «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ»

Серия «Православное богослужение» — плод работы группы переводчиков под руководством ректора Свято-Филаретовского института проф.-свщ. Георгия Кочеткова. Это издание научного и учебно-справочного характера. Оно может также быть использовано теми, кто хотел бы молиться по-русски. Во всех томах серии после русского перевода чинопоследований помещается их церковнославянский текст.

Проблемы, связанные с использованием перевода в обучении и церковной практике, предполагается обсудить на презентации. На нее приглашаются филологи, богословы, священнослужители, учащиеся старших курсов духовных и гуманитарных учебных заведений.

КОЧЕТКОВ ГЕОРГИЙ, ПРОФ.-СВЩ. ПУТЬ КРЕСТА. ПРОПОВЕДИ 1997-2007. М.: ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ, 2008. — 232 С.

В дни Великого поста выходит из печати новый сборник проповедей, посвященный воспоминаниям Страстной седмицы. В сборник вошли проповеди проф.-свщ. Георгия Кочеткова, прозвучавшие в 1997-2007 гг. в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках (1997), часовне Свято-Филаретовского института (1998-2007) и др. в дни Лазаревой субботы, празднования Входа Господня в Иерусалим и в период Страстной недели.

Большая часть проповедей публикуется впервые.

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ, СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ЖУРНАЛ «ВЕСТИНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ»

проводят международную конференцию
«ДУХОВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПУСТОТЕ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ»
Москва 29 сентября — 1 октября 2008 г.

Способна ли сегодня церковь противопоставить ничтожной и «ничтожащей» черной дыре пустоты мира сего, втягивающей в себя и ради себя всё и всех, — опыт «самоопустошения» Христа (и святых Его), истощающего Себя ради других, ради Церкви, которая есть «Полнота Наполняющего всё во всем»?

Имеет ли мы основание говорить об особых дарах нашего времени? Сергей Аврешнев, остро чувствующий наступление этого новейшего времени, в котором почти всякое содержание является кажимостью, иллюзией, надеясь, что именно в этой ситуации появляются кристаллы реальности особой, небывалой твердости. Можем ли мы уже сегодня увидеть эти зёрна? Поиск ответа на подобные вопросы посвящена наша конференция.

Заявки на участие в конференции, тему и тезисы выступления просим присылать в Оргкомитет конференции до 1 сентября 2008 г. В заявке необходимо указать фамилию, имя и отчество участника, место работы или служения и должность, а также электронный адрес и телефон.

Помимо подготовленных докладов конференция предполагает обсуждение всех заявленных вопросов в форме диалога и свободной дискуссии.

Председатель оргкомитета, проректор СФИ
Дмитрий Сергеевич Гасак
Оргкомитет:
Россия, Москва, 105062,
ул. Покровка, 29-38
Тел./факс 624-92-50; 623-03-80;
e-mail: sretenye@sf.ru

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 5 ЛЕТ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© ООО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: http://gazetakiifa.ru

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Елена Шевелова, Дмитрий Матвеев, Владимир Лисский

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1500. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 9 апреля 2008 г.
Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 11 апреля 2008 г.

Нашу газету можно приобрести в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38);
в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);
Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);
Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);
Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)